

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ галерее «Старый город» проходит выставка Елены Честных под названием «Реальность вымысла». На ее открытии мы с Еленой условились о встрече, чтобы поговорить не на бегу на скаку, а обстоятельно, «за жизнь», тем более что корреспонденту «Новой Сибири» пришлось ждать этого интервью аж восемь лет. Еще в 2000-м в нашем городе проходила выставка «Квинта», в которой участвовали пятеро новосибирских художников. Там многие новосибирцы, и автор этого материала в том числе, и сделали открытие «ранней Елены Честных». Елена только-только оторвалась от ученического мольберта (закончила наш архитектурный), начинала свой путь в искусстве, что не помешало ей уже тогда заявить о себе в полной мере — и собственной живописной манерой, и особым видением окружающего мира. С воспоминаний о недавнем прошлом мы и начали нашу беседу...

— Елена, на той давней выставке — видите, я до сих пор ее не забыла — меня потрясли ваши сирийские пейзажи. Кто-то из художников не без некоторого пренебрежения, свойственного мэтрам, высказался тогда: «Коммерческая живопись». А я возразила: «Не знаю, может, и коммерческая, но эта девушка далеко пойдет. Она умеет своими работами трогать за живое... Смелая в рисунке, в композиции, в цвете. Сочный мазок, игра светотени...» Запомнился портрет ребенка вашей кисти — с большими выразительными глазами, полными недетских эмоций. Кто был этот ребенок?

— СобираТЕЛЬНЫЙ образ! И напрямую с путешествиями не связан. Это картина скорее о страхах, об экзистенциальном одиночестве, о беззащитности перед жизнью. Хотя поездка в Сирию (я провела там четыре месяца), наверное, все же повлияла. Я всегда была большой любительницей путешествий. До этого ездила на Кипр, проводила там по два-три месяца, писала пейзажи. Потом друзья-сирийцы позвали меня в гости. И это было интереснейшее погружение в совсем другой, отличный от нашего мир, в незнакомую среду.

— Вы говорили с этими людьми по-английски?

— Немного по-английски, немного по-французски, я не сильна в языках. Сирия была французской колонией, там многие хорошо знают французский, а я учила его в школе. К тому же я все время рисовала на улице и через некоторое время могла уже и по-арабски что-то сказать.

— Мусульманская страна. Женщина одна рисует на улице... Вы смелая! Вас там камнями не собирались, часом, побить?

— Был инцидент однажды, но отделалась легким испугом. Естественно, приходилось следить за тем, как одеваешься. Даже после возвращения домой у меня долго оставалась скованность: не могла надеть шорты, короткую юбку. Но в целом от Сирии у меня остались самые теплые и добрые воспоминания. Когда я рисовала на улице, в порту, незнакомые люди приносили кофе, фрукты, стул, чтобы я могла присесть, приглашали в дом. Я жила в городе Тартусе, на побережье. Там минутах в двадцати от берега, на катере, — небольшой островок со старинной крепостью, где живут ортодоксальные исламисты — шииты, сунниты. Люди, которые меня пригласили, предупреждали: «Туда не ездите». Но архитектура манила, экзотика. И я отправилась на остров. Но на удивление меня там замечательно принимали! С одной семьей даже близко подружилась. Думаю, если ты открыт людям, — это обезоруживает и располагает к себе.

— На нынешней выставке меня впечатлила большая картина, состоящая из малых фрагментов, — ассоциация с фотографической пленкой, с кадрами, с кусочками воспоминаний... Road movie. Вы были и в Южной Америке?

— Да, в Чили. Там мы с мужем были год назад. Давно хотелось побывать в Южной Америке, хотя страну выбрали почти случайно. Отчасти потому, что мало о ней знали, отчасти потому, что это самая дальняя от нас страна. Если через Новосибирск провести воображаемую линию через центр планеты, то мы упрямся прямо в океан рядом с побережьем Чили! К тому же я очень люблю латиноамериканскую литературу: Хулио Кортасара, Борхеса. Они, правда, не из Чили, из Аргентины, но дух континента в их произведениях присутствует. А еще меня манила пустыня Атакама — вулканы и кактусы, розовые фламинго и зеленые зайцы... Захотелось чего-то такого, чего никогда не видела. Эта пустыня — самое засушливое место на планете. Влажность там стремится к нулю. А потом взяли машину и проехали страну до Патагонии.

— Той самой, которая фигурирует в романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта»?

— Да, той самой. И приключение было захватывающим, когда едешь не зная куда, не зная как. Для меня это какая-то другая сторона существования. Я склонна бесконечно рефлексировать, а тут полное погружение в реальность, в «здесь и сейчас». И когда я села в самолет, я вдруг поняла, что времени осмыслить то, что я видела, у меня не было!

— Елена, ваше творчество очень изменилось за последние годы. На смену традиционной живописи пришли сначала почти мультипликационные человечки, которые плыли в гондолах по каналам Венеции, а потом и вовсе ваши работы стали напоминать не то полотна старых голландцев по технике, не то черно-белые фотографии по образности... Интуитивно ли, сознательно ли, но вы пошли по тропе, ведущей к формальному поиску. Скажите, Елена, что для вас есть современное искусство и как вы видите себя в этом процессе?

— Вопрос интересный, и он кстати. До какого-то времени — еще два года назад — я рисовала, словно вокруг меня вообще никого нет и, главное, до меня никого не было. Никакой истории искусства! Если говорить об умоглядных вещах — гораздо больше я разбираюсь в литературе, фотографии, кино... Но не в истории изобразительного искусства. И она мне была не нужна! Я была как бы сама в себе, в своем творчестве, отдельно от искусства вообще. Но однажды — и произошло это совсем недавно — я вдруг обнаружила, что, кроме меня, на свете существуют и другие художники, что существует история искусства. Соответственно, возник вопрос: а как мое творчество соотносится с этим общим контекстом?

— ...Вы просто повзрослели как творческая личность!

— ...Наверное. К тому же это совпало с моими поездками в Москву: я была там и два года назад, и в прошлом году, ходила по выставкам, смотрела. И вопрос, который раньше не возникал — как я отношусь к тому, что сейчас происходит в искусстве, — встал сам собой. Я сейчас

говоря даже не об актуальном искусстве, а об искусстве вообще. А если говорить о моем творчестве, то да — и оно меняется. Поскольку меняюсь я сама. В последнее время меня интересует философия. В моей мастерской даже собирается философский кружок, раз в неделю. Читаем, разбираем тексты: в основном это структурализм, постструктурализм, французские постмодернисты: Жак Лакан, Мишель Фуко, Деррида, Делез и другие.... И, возможно, погружение в эту тему, которая мне глубоко интересна, и отражается на моем мировоззрении и мировосприятии.

— На выставке выставлено ваше полотно «Миф о похищении». Еще одна версия? Многие к нему обращались... От Тициана и Серова до современных художников. Вы сознательно отсылали этой работой к творчеству других?

— Нет, прямых ссылок здесь нет. И я не использовала миф — я от него оттолкнулась. Это опять же игра, поэтому так и называется: «Миф о похищении». А было ли оно, похищение? Работа формалистская или формальная, лучше сказать. Мне хотелось, чтобы она распадалась на отдельные элементы и в то же время собиралась в единое целое. В этой картине меня больше волновало сочетание форм, линий...

— И все-таки — ваше отношение к современному искусству? Тому, что принято сейчас под этим подразумевать?

— Неоднозначное отношение. Но хочется понять, разобраться в нем, что ли... Когда я ездила на Бали этим летом, взяла с собой толстую книгу, «Постмодернизм», чтобы читать по вечерам, там рано темнеет. Написала ее искусствовед из Русского музея Екатерина Андреева. Глубокая книга, написана философом. И хотя труд скорее научный, с избытком терминов, я прочла эту книгу увлеченно. Она оказала на меня влияние, сравнимое с Достоевским. Андреева рассказывает об искусстве (ею взят период с 40–50-х годов прошлого века и до наших дней). О том, что живопись умерла и нет никаких перспектив. Но хотя живопись все время умирает, на каждом этапе, начиная с двадцатых годов, тем не менее, она все время возрождается. Вечером, почти уже ночью, я ходила вдоль океана между пальм и страдала о судьбах искусства. Книга грустная, на самом деле: искусство развилось, куда-то шло... и зашло в тупик. Но «искусство, как самолет: тяжелая машина, которая все-таки должна подняться в небо, преодолевая давление среды». И для этого, чтобы подняться, оно меняется, так как не может оставаться прежним! Лишь изменяясь вместе с обществом, оно остается живым. И хотя я не все понимаю и не все принимаю в современном искусстве, я не спешу его отрицать: «Не нравится» или «Плохо». Мне хочется понять, осмыслить то, что происходит в культуре. И я делаю это искренне.

— Наверное, главное слово прозвучало: «Искренне». Сейчас в современном искусстве много спекуляций. Михаил Шемякин, известный художник и коллекционер образов (по телеканалу «Культура» сейчас как раз повторяют его цикл передач «Воображаемый музей Михаила Шемякина»), склонен считать современное искусство парадом идей, выставленных на продажу. Декларацией со стороны художников. Непрофессиональных художников большей частью. Современное искусство, по Шемякину, не есть мастерство, художественность или изобразительность. Это торговля идеями. И даже особый вид валюты. Раскрученные имена с течением времени дорожают — от сотен тысяч долларов до миллионов долларов, — но к самому искусству это имеет весьма опосредованное отношение. И отсюда на аукционах появляются такие работы, как акулы в формалине, которые распадаются, превращаясь в лохмотья...

— ...Акулу, кажется, уже заменили.

— Зато идея осталась: удивить, представить нечто загадочное и многозначительное. Вы согласны, что современное искусство можно назвать коммерческим?

— Да, в значительной мере! Хотя многое зависит от того, насколько зритель разделяет переживания художника, насколько они близки по духу. Для меня, скажем, выставка самого Шемякина осталась непонятной.

— А как вам такая идея — разделить два потока: искусство традиционное и современное? Чтобы людей не путать, да и самим художникам стало ясно, кто есть кто и что есть что. Как вам такая мысль?

— ...На самом деле моя живопись не имеет ничего общего с подражательством актуальному искусству или колебаниями между традиционной живописью и модным жанром. Я не в традиционном или современном потоке, я — в своем. Это то, чем я живу, дышу. Просто я нахожусь в той же изменчивой среде, что и другие, пытаюсь ее осмыслить... Нашей эпохе присуща некая рефлексия, отстраненность, фрагментарность. Если эпоха модернизма старалась погрузиться в реальное, прорваться сквозь знаки и символы (Ницше, бессознательное Фрейда, революция...), то постмодернизм — это некоторое разочарование. Мир, как вещь в себе, непознаваем, реальное недостижимо. Мы всегда смотрим на мир сквозь свой индивидуальный опыт, наше восприятие субъективно, память преломляет прожитое. И в то же время наше восприятие во многом сформировано той культурой, в которой мы живем, которую впитываем с детства. И мои картины — они не о вещах, как они есть, а о восприятии этих вещей. Путешествую ли я или рассматриваю старые фотографии...

— А я всегда руководствуюсь на выставках простым ощущением: есть ответная вибрация, когда я смотрю на работу, или нет. Когда на днях я увидела в «Старом городе» вашу картину «Воспоминание о детстве», то резонанс в себе почувствовала сразу. Как будто вы вошли в мое подсознание, как будто это моя школа в отдалении, и это не вы, а я в детстве стою под пыльным тополем с велосипедом. Мальчишки, которые гнались за мной на великах, только что отстали... И все подернуто папиной времени — масляный слой или моя память, — покрыто паутинкой трещин, а желтый свет летнего дня, который никогда не повторится, тускло пробивается через прожитые годы... А где прошло ваше детство, Елена?

— Я из Новосибирска. Мама у меня модельер по профессии, поэтому она всегда рисовала. И я думаю, что любовь к творчеству — это у меня от нее. Папа — инженер. Училась в новосибирской школе...

— Если опять вернуться к вашей выставке, то на ней явно присутствует отсылка к фотографическим изображениям. Лессировка, тонкие слои краски, снятые мастихином... Фотография — ваша страсть?

— Не то чтобы страсть, но я люблю фотографию. И как ценитель творчества других, и сама увлекаюсь. Однажды сделала и свою фотографическую выставку — там были фото из Индии, Китая. Но сейчас мне хочется не просто привезти снимки из путешествий, а поиграть с фотографическими образами. Фотография сейчас повсюду. Мы не замечаем, что живем в мире фотоизображений. Сначала фотография училась у живописи, теперь живопись заимствует фотографические приемы, образы, это живой процесс взаимного влияния искусств. Не случайно я назвала свою выставку «Реальность вымысла». Это интерпретация интерпретаций! Черта нашего времени! Фотография обманчива в своей реалистичности. На ней, кажется, все правдоподобно, но в то же время она выхватывает какой-то момент, единственный, и непонятно, что было до и что будет после, и где то, что не вошло в кадр. Мне хотелось рассказать своими работами о неуловимости реальности, ускользающей от нас.

— Елена, кто-то, по-моему, искусствовед Александр Клушин, назвал вас интровертом в своей вступительной статье, открывающей каталог выставки. Может быть, я вас совсем не знаю, но мне кажется, на интроверта вы не тянете... Яркая путешественница, раскрываетесь через свои полотна, у вас есть ученица. И я даже знаю, кто она. Елена Александровна Дугельная, которая сама мне в интервью о ваших занятиях рассказывала. Наконец, вы собираете у себя в мастерской философский кружок и то и дело участвуете в выставках. Тоже не без помощи людей, благосклонных к искусству, таких как Анна Васильевна Терешкова, хозяйка галереи «Старый город»... Ну, знаете, интроверты так себя не ведут! Что вы сами можете сказать про свой характер?

— Александр Клушин, я думаю, говорил о моей склонности к размышлению, о внимании к внутреннему миру человека, это отражается в моем творчестве. Мне кажется, я бываю и интровертом, и экстравертом в зависимости от ситуации, но большую часть времени все же провожу в мастерской, среди картин и книг.

— Кстати, такие замечательные мастерские есть не у всех художников...

— Это моя личная мастерская. Союз художников мне ее не выдавал. В этом смысле я работаю в более благоприятных условиях, чем другие новосибирские художники, меня поддерживает муж. В этой мастерской я и провожу свои творческие эксперименты. Мне нравятся многозначность и изменчивость мира, нравится экспериментировать, нравится думать, что много истин — всегда лучше, чем одна-единственная.

Ираида ФЕДОРОВА, «Новая Сибирь»
Фото из архива Елены ЧЕСТНЫХ

Читайте также: